

*Гаджиева А. А.,**доцент кафедри азербайджанського мови та літератури
Азербайджанського університету мов*

СКАЗАНИЯ О КОРАНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРАБАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Аннотация. Карабахские писатели XIX века в своем творчестве широко прибегали к религиозным образам. Это связано, с одной стороны, с полученным ими религиозным образованием, с другой – необходимостью выражения суфийско-мистических размышлений. Религиозные образы, такие, как Иосиф, Хызыр, Иисус, Иова, Моисей и другие, достаточно часто встречаются в их произведениях. Карабахские писатели в поэтических сказаниях суфийского содержания использовали также образ врача, «Логмана». У карабахских творцов слова встречаются эпизоды о восхождении пророка Мухаммеда к Всевышнему: эту тему они также не обошли вниманием. Члены поэтических кружков «Меджлиси-унс» и «Меджлиси-Ферамуш» смогли показать в своих сюжетах, связанных с религиозными сказаниями, общественно-политические противоречия своей эпохи. При этом многие религиозные персонажи были представлены как неистовые влюбленные, которые стремятся соединиться со Всевышним.

Ключевые слова: карабахские поэты и писатели, азербайджанская литература XIX века, Коран, суфизм, мистика, религиозные сказания о Коране, религиозные сюжеты в произведениях карабахских поэтов.

Актуальность проблемы. Ислам, зародившийся на Арабском полуострове в VII веке, за сравнительно короткий срок распространился на обширных территориях, создав основу новой исламской цивилизации и став одной из трех самых распространенных мировых религий. Ислам совершил коренной переворот благодаря законам шариата, социально-экономическим нормам, привитым в обществе не только в жизни арабских народов, но также и других этносов и народов, входивших в арабский халифат. В азербайджанской литературе, включающей в себя также и художественное слово, созданное великими мастерами, и достигшей сегодня высочайших вершин, есть существенная роль также и ислама, в том числе священной книги Корана.

Анализ последних исследований и публикаций. Священная книга ислама Корани-Керим наряду с тем, что является памятником религии, является также и источником вдохновения для многих поэтов и писателей. Невозможно найти писателя, пишущего в классическом стиле, который бы не обращался к сюжетам и мотивам текстов историй вокруг Корана. Это, с одной стороны, «способствует воспитанию у людей, читающих эти правдивые истории, высоких помыслов и целей, с другой – ведет их к очищению, поучает их» [12, с. 29]. К тому же появляется возможность еще раз обратиться к содержанию той или иной суры или аята. Низами, Хагани, Физули, Насими и другие великие мастера слова в своих поэтических откровениях создали целый ряд образов на основе религиозных повествований (жизни святых). Эту проблему достаточно подробно исследовали в своих научных работах А. Касумова, Х. Бабаев, А. Мирзоев [8].

Изложение основного материала. Важное место указанная тематика занимает также в творчестве карабахских

писателей XIX столетия. Отметим, что в целом обращение к Корану как источнику проповедей и откровений, художественной выразительности, а также терминов, связанных с религиозно-идеологическими взглядами, наблюдалось всегда. Члены известных писательских собраний «Меджлиси-унс», «Меджлиси-Ферамуш» также обращались к ряду сказаний, аятов и хадисов с тем, чтобы в своих стихах мастерски использовать их в поэтическом смысле.

Это, с одной стороны, происходило из-за того, что поэты и писатели получали традиционное религиозное образование, воспитывались в определенной социальной среде. С другой стороны, они основывались на системе религиозно-символических образов своих предшественников, т.е. поэтов. Вместе с тем карабахские творцы слова не просто преследовали цель использовать повторно религиозные сказания, а стремились обогатить их, выражая здесь свои чувства в соответствии со своим творческим стилем. Использовались религиозные повествования по-разному. Члены писательских собраний «Меджлиси-унс», «Меджлиси-Ферамуш» повторяли в своих текстах различные религиозные изречения, тем самым призывая правоверных обращаться к надежным, высокочтимым первоисточникам, приобщаться к религиозным знаниям.

Карабахские писатели XIX столетия по-разному прибегали к возможностям Корана как носителя высоких исламских идей – как в отдельных стихотворениях, так и в назидательных рассказах. Используя тот или иной аят, они добивались высокой художественной выразительности в своих творческих зарисовках. Иными словами, во многих своих произведениях они обращались к таким популярным высказываниям пророка, как «учись науке от самого рождения до гроба», «учись науке, даже если она находится в Китае», «учись науке, даже если будешь находиться перед обжигающим огнем или бушующим морем» и т.д. Тем самым они призывали правоверных обращаться к самым высоким источникам святости, приобщаться к знаниям.

Как известно, использование сюжетов и мотивов, навеянных религиозным текстом Корана, в художественном тексте стало традиционным в классической азербайджанской литературе. Исследователи, в частности А. Долинина, подчеркивают в связи с анализом текста произведения видного представителя средневековой арабской литературы Аль-Харири «Моменты», что в восточной средневековой литературе довольно часто обращались к исламской литературе, раскрывающей образы Корана [3, с. 159–160]. То же можно сказать и в отношении карабахских мастеров слова XIX века. В том числе здесь можно увидеть случаи использования сказаний о Коране. Обычно идет прямое цитирование, но часто встречаются также случаи метафорического, риторического использования образов. Повествование представляется порой отрывочно, во многих моментах идет просто указание на эпизод. Основными героями повествования являются пророк Иаков как сосредоточение

тоски, терпения, Соломон – воплощение мощи, долгой литературной жизни, Иосиф – красоты, Мария – чистоты, невинности, Хызыр – в виде воплощения дыхания, дарующего жизнь, и т.д. Карабахские мастера слова добились того, что указанные символические образы получили новое, свежее поэтическое дыхание и воплощение.

Члены писательских собраний «Меджлиси-унс», «Меджлиси-Ферамушан» для того, чтобы присоединиться к поэтическим истокам мистического содержания, использовали образ врача, «Логмана»:

Дает здоровье мне. Во что бы то ни стало

Бокал есть в мире этом средство исцеления, Логман! [9, с. 67].

В этом поэтическом отрывке говорится о влюбленном, который хочет освободиться от мирских привязанностей и воссоединиться с высшей Истиной, при этом называет бокал, наполненный вином, врачом, Логманом, лечащим каждого из нас от тысяч напастей.

Руководитель «Меджлиси-Ферамушан» заявляет также, что:

Всем о болезни мой язык поведал, но, сказали, лишь Логман
Есть для влюбленного души его лекарство [9, с. 218].

Как видно из содержания этого бейта, в поэтическом воображении любовь, которая буквально доводит до гробовой доски, может быть излечена, вернее, муки любовные могут быть облегчены врачом Логманом. Вводится образ пурпурных губ возлюбленной, от которого смертельно заболел возлюбленный. Как отмечают исследователи, «если тоска поэта по губам и рту возлюбленной, с одной стороны, показывает его душевные муки, метание между действительностью и желанием воссоединиться с царством небесным, расстаться с этим бренным миром, то с другой – показывает, как поэт, который не может удовлетвориться внешними знаниями о мире, стремится возвыситься до уровня любви мистической» [2, с. 255–256].

Иногда же поборник правды, влюбленный поэт встречается с такими трудностями, которые просто невозможно выдержать. Он при этом подвергается невероятным нравственным мукам, в итоге даже знаменитый врач Востока, Логман, который лечит всех, опускает руки перед этими страданиями. Об этом в повествованиях вокруг Корана не упоминается, однако в суре «Логман» в самом Коране указано, что мудрость этому просвещенному врачу была дарована самим Богом. Здесь приводятся наизидания его сыну. К месту будет сказано, что этому, в какой-то степени мифическому образу врача на Ближнем Востоке, в том числе у тюркоязычных народов, не присущи отрицательные качества, в том числе непротивление злу, покорность, и т.д.

Если горю нет спасения и лекарства,

То трудно будет это сделать и самому Логману [1, с. 73].

Согласно приведенному бейту Всевышний способствует тому, чтобы влюбленный, который отражает в своем суждении жажду воссоединения с возлюбленной, получил помощь не от Логмана, а от своей же возлюбленной (причем указывается имя врача).

У представителей литературной среды Карабаха XIX века в произведениях отражаются такие суры Корана, как «Ан-Ниса» (аят 163), сура «Сад» (аяты 41–44), где говорится о пророке Иове. Аналог образа страдающего, терпящего неимоверные муки, однако никогда не перестававшего верить в Бога и надеяться на Него, есть и в христианских повествованиях религиозного характера. Сведения об святом Иове, чья история жизни есть воплощением веры и терпения, перенесенного горя, изложенные в Библии, нашли свое отражение также и в Коране. Здесь нет обширного материала, однако образ несправедливой

жены, нашедший отражение в христианской религиозной литературе, хоть и показан, однако здесь нет информации о ее наказании.

Представители восточной литературы, в том числе мастера слова карабахской литературной среды, показывали в своих произведениях, как влюбленный поэт преодолевает всевозможные препятствия для того, чтобы нравственно и духовно возвыситься. В то же время при помощи аналогии между пророком Иовой и влюбленным показывается, насколько велики его муки:

Расскажи о муках, что погубили Иову,

Он пленен болезнями и мукой, пусть выйдет на свободу [11, с. 140].

Мешади Мухаммед познал все тайны мистики:

Как соловей влюбленный познает цветок.

И зов его подобен зову трубы Иерихона [1, с. 199].

В этом бейте для того, чтобы показать суть суфийских идей, раскрывается сила любви соловья к цветку, чьи трели, их сила воздействия подобна трубе Иерихона, которая звучит в Судный день.

Карабахские поэты XIX века также проявили свое отношение и к седьмой суре Корана о восхождении пророка на небеса и его воссоединении с богом. «Восхождение на небеса пророка и до этого его прибытие в Мекку, а затем восхождение на небеса, на их седьмой круг, 27 числа месяца раджаб» [8, с. 9] описывается поэтами в качестве проявления их стремления к совершенству, величия восхождения к небесному творцу.

Отметим, что слово «миракль» в переводе с арабского означает «лестница», восхождение на небеса. О вере в восхождении к Творцу, его вместилищу как богов, так и душ умерших при помощи лестницы пишет также Дж. Фрезер, который подчеркивает, что еще в древние времена подобное поверье было широко распространено в Греции, Италии, восточной Африке и других регионах мира [5, с. 270]. Среди средств для осознания связи между Богом и людьми называются огонь, дым, дерево, лучи солнца и т.д. Отражение подобных мифов в исламе свидетельствует о наличии шаманских поверий в доисламские времена [4, с. 194–195].

Шаманизм в равной степени воздействовал на христианство и на ислам. Скала, упирающаяся в Суматре в небо, согласно легенде служила опорой для достижения небес избранными лицами. В этих преданиях также говорится о большом инжировом дереве, упирающемся в небо, но корни которого находятся в этой скале [5, с. 271]. В целом ритуал использования дерева как эквивалента лестницы занимает существенное место в преданиях народов древней Евразии: «В саду между Небом и Землей, в его середине возвышается дерево; миф об этом был широко распространен у древних китайских народов» [6, с. 120]. В период археологических раскопок в некоторых египетских гробницах были обнаружены лестницы; сказать точнее, были поверья о том, что в гроб к умершему человеку следует класть лестницу» [5, с. 272]. Эти поверья как-то взаимосвязаны. Понятным становится и обращение писателей указанного периода и региона к образу пророка Мухаммеда, достигшего величия пророчества и восхождения на небеса с тем, чтобы возвыситься до Бога через воспевание пути совершенствования человека, его духовно-нравственного совершенства, нравственных качеств, оцениваемых с точки зрения приближения к Истине в рамках суфизма.

Кто же ты, о возлюбленная моя, кто, моя радостнолика?

Кто же, вешняя весна моя, меня, Мухаммеда Мустафы? [11, с. 267].

Руководитель межджиса «Межджиса-Ферамушан» создал образ пророка Мухаммеда, который, в отличие от образа пророка Христа, особо почитаемого у христиан, «создал общество, отличное от доисламского родового строя своей идеологией, социальными и политическими структурами» [7, с. 10]. В целом, как и многие видные представители классической литературы, члены литературного общества в Карабахе «Межджиса-Ферамушан» в своих стихах как нравственного, так и любовного содержания писали о совершенстве, мудрости, мощи, добродетели пророка Мухаммеда алейхе-ссалама, прибегая время от времени к описанию его высоких нравственных качеств:

Возлюбленный есть Мухаммед, который властвует над нами,

Которому Всевышний внушил святую книгу Ясину-Тахани [11, с. 521].

Естественно звучит попытка влюбленного героя искать подобия между своей возлюбленной и святым пророком Хазрати Мухаммедом, который является сосредоточением всех черт совершенства, самым высоким и святым из тех, кого освятили сиянием праведности.

В литературной среде Карабаха в XIX веке литераторы итогом своих религиозно-мистических, нравственно-этических поисков видели достижение конечного этапа пути – это обретение истины, потому больше обращались к восхождению пророка к небесной обители, к своему конечному пути.

Когда Мустафе суждено было познать любовь,

То место он нашел среди приближенных к Всевышнему [11, с. 281].

Руководитель литературного общества «Межджиса-Ферамушан» имел в виду восхождение богоизбранного пророка Мухаммеда на небеса, получение им звания ангела, иными словами, нравственную чистоту пророка. В свою очередь, Мирза Гасан Кашифи писал так:

Когда приносит гонец нам весть благую о любви,

Возвысился Мустафа здесь до небес.

Подобно тому, как Муртеза Али приник к амвону,

И он охвачен был сиянием красоты и небес [11, с. 285].

Здесь упоминается процесс восхождения на небеса пророка Мухаммеда (Мустафа – одно из его имен) с помощью провозвестника любви – архангела Гавриила после принятия на Сияющей горе божественного откровения.

Он завершил постижение истины восхождения,

Воссевши на коня тоски и горя [11, с. 133].

В данном поэтическом сравнении дается совершенная аналогия с древним шаманским верованием тюрков о восхождении на небеса при помощи святого коня Бюрага; просматривается типологическая близость [2, с. 311]. В целом сказания о мифическом коне встречаются у многих народов, английский исследователь Е. Паллебленк также рассматривал проблему «божественных коней» в верованиях индоевропейских и древнекитайских народов [10, с. 666]. Восхождение к божественной истине, приобщение к ней становится важным действием и для самого пророка, поскольку тем самым он смог постигнуть божественную сущность.

Воссев на Бюрага, со всеми почестями и пышностью

Прошел он свет, огонь, достигнув девятого круга Небес [11, с. 267].

В данном двустишии как раз и упомянуто еще раз это религиозное событие. До восхождения пророка три ангела совершили процесс очищения апокрифа. Некоторые исследователи

считают, что это событие в истории пророчества есть своеобразной формой проявления посвящения себя богу [13, с. 265].

Событие миракля, как говорит другой исследователь Абдулла бак Аси, есть нравственно-духовным и религиозным событием, не вмещающимся в определенные географические рамки. Здесь важно подчеркнуть то, что ради любви к Богу, воссоединения с Высшей Истиной, возвышения к божественным небесам необходимо сгореть на жертвеннике любви, пожертвовать собой во имя своей возлюбленной:

Пока не сгоришь в огне волос прекрасной пэри,

То не войдет душа в миракль при помощи Гавриила [11, с. 164].

Поэт Шахид Карабаги, рассказывая о событии Шегтуль-гермер, т.е. о том, как пророк Мухаммед разделил Луну на две части мановением руки, напоминает об умении пророка творить чудеса, а с другой стороны – о неописуемой красоте воспеваемой возлюбленной.

И лик ее мерцает в тени ресниц,

Подобно тому, как дрожь охватила Луну

на небе от движения пальца пророка [11, с. 92].

Проводится параллель между плотностью, затенённостью, длиной ресниц, которые набрасывают тень на лицо возлюбленной, и кольцом на пальце Пророка, которым он смог заставить дрожать Луну. Здесь можно выделить поэтические фигуры (лик – луна, ресницы – кольцо), а также другие поэтические приемы (лаффу нашр, телмих, хюснут-телил), которые усиливают поэтическую выразительность бейта.

Выводы. Карабахские мастера слова использовали религиозно-мифологические образы достаточно широко, что дает основания сделать выводы о том, что они стали последователями многих традиций классической литературы, в том числе одного из корифеев азербайджанской литературы М. Физули. Литературная среда Карабаха XIX века способствовала тому, что поэты и писатели обращались к религиозно-мифологическим образам, корни которых восходят к самым примитивным религиозным верованиям древности. Они сумели дать новые оттенки художественной выразительности и образности при помощи включаемой в текст мифопоэтической символики.

С другой стороны, на этот процесс оказали влияние такие факторы, как то, что большинство из них получали тогда религиозное образование, росли в религиозной среде и обстановке, постоянно слыша изречения из Корана, источника, оказавшего значительное влияние на характер мышления целых народов, поэтому обращение к аятам Корана здесь вполне естественно. Однако члены Карабахского литературного общества цитировали религиозно-мифологические образы, обращаясь к богатому наследию повествований о Коране, стремясь, прежде всего, направить внимание читателей не к этим сказаниям, а к тому, как они воспевают тасаввуф, более часто при этом обращаясь к тематике, созвучной с суфийскими идеями. Многие религиозные персонажи стремились воссоединиться с Всевышним, как страдающий возлюбленный. Такой мистический кров позволял карабахским поэтам проводить аналогию между переживаемыми социально-политическими событиями, противоречиями жизни, и событиями, раскрываемыми в древних сказаниях.

Литература:

1. Бюльбюль М. Произведения / М. Бюльбюль. – Баку : Шуша, 2008. – 359 с.
2. Джумшудоглу Н. Мир искусства и нравственности Физули / Н. Джумшудоглу. – Баку – Тегеран : Сюрүш, 1997. – 386 с.

3. Долинина А. Коранические цитаты и реминисценции в «Макамах» ал-Харири / А. Долинина // Ислам. Религия, общество, государство. – М. : Наука, 1984. – 232 с.
4. Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде. – М., 1987.
5. Фрэйзер Д. Фольклор в Ветхом Завете / Д. Фрэйзер. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1989. – С. 542.
6. Иванов В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от асва-конь / В. Иванов // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М. : Наука, 1974. – С. 75–138.
7. Ислам и история народов Востока. – М. : Наука, 1981. – 264 с.
8. Касумова А. О восхождении на небеса пророка Мухаммеда / А. Касумова. – Баку : Язычи, 1994. – 26 с.
9. Махфи М. Произведения / М. Махфи. – Баку : Шуша, 1987.
10. Мифы народов мира / главн. ред. С.А. Токарев. – Т. I. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 216 с.
11. Невваб М. Тезкиреййи-Невваб / М. Невваб. – Баку : Азербайджан, 1998. – 560 с.
12. Сангари М.Р. Цели и способы использования в Коране повествований / М.Р. Сангари // Джахан. – 1997. – № 1. – С. 29.
13. Шукуров Ш. Об изобретениях пророка Мухаммеда и проблеме сокрытия Лица в средневековой культуре Ислама / Ш. Шукуров // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М. : Наука, 1989. – С. 252–266.

Гаджисва А. А. Сказання про Коран у творчості карабаських письменників ХІХ століття

Анотація. Карабаські письменники ХІХ століття у своїй творчості широко вдавалися до релігійних образів. Це пов'язано, з одного боку, зі здобутою ними релігійною освітою, з іншого – з необхідністю вираження суфійсько-містичних роздумів. Релігійні образи, такі, як Йосип, Хизир, Ісус, Іова, Мойсей та інші, досить часто зустрічаються у їхніх творах. Карабаські письменники в поетичних переказах суфійського змісту використовували також

образ лікаря, «Логмана». У карабаських творців слова зустрічаються епізоди про сходження пророка Мухаммеда до Всевишнього: цю тему вони також не оминули увагою. Члени поетичних гуртків «Меджліс-УНС» і «Меджліс-Ферамуш» змогли показати у своїх сюжетах, пов'язаних із релігійними переказами, суспільно-політичні суперечності своєї епохи. При цьому багато релігійних персонажів були представлені як шалені закохані, які прагнуть воз'єднатись із Всевишнім.

Ключові слова: карабаські поети і письменники, азербайджанська література ХІХ століття, Коран, суфізм, містика, релігійні оповіді про Коран, релігійні сюжети у творчар карабаських поетів.

Hajiyeva A. Legends about the Qur'an in the works of the Karabakh writers of the XIX century

Summary. Karabakh writers of the XIX century extensively used the religious images in their works. This is due, on the one hand, to the religious education they received, and on the other hand, to the need to express Sufi-mystical reflections. Religious personalities, such as Joseph, Khizir, Jesus, Job, Moses and other religious images are often found in their works. Karabakh writers also used the image of a doctor, called “Logman” in the poetic Sufi legends. They had also described the ascent of the Prophet Muhammad to the Almighty: this topic was included in their art as well. The members of the “Mejlisi-uns” and “Mejlisi-Feramush” poetic circles were able to show the socio-political contradictions of their era in their religious stories. At the same time, many religious figures were represented as passionate worshippers who longed to unite with the Almighty.

Key words: Karabakh poets and writers, Azerbaijani literature of the XIX century, Qur'an, Sufism, mysticism, religious legends about the Qur'an, religious subjects in the works of the Karabakh poets.